

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 82.091, 93/94

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-365-399>

<https://elibrary.ru/FZAFTQ>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Хуан Гойтисоло в Советском Союзе

© 2026, К.Р. Буйнова

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Аннотация: Исследование посвящено связям испанского писателя, лауреата премии Сервантеса 2014 г. Хуана Гойтисоло с Советским Союзом. Художественные достоинства прозы и публицистики Гойтисоло, его молодость, известность, положение политического эмигранта, не разорвавшего связи с народом, его антифранкистская и околокоммунистическая позиция — все это придавало испанцу большой вес в глазах агентов советской культурной дипломатии. Взаимодействие с ним велось с участием ЦК КПСС. Его публицистические произведения активно использовались советской пропагандой для обличения франкистского режима. Автор статьи реконструирует обстоятельства знакомства советских литературных институций с творчеством Гойтисоло, налаживание контактов с ним, историю публикаций его произведений на русском языке, причины, по которым писатель не возражал против советской цензуры своих романов; подробности двух личных визитов в СССР — в 1965 и 1966 гг. — и разрыв отношений в 1968 г. на фоне общего разочарования писателя в социализме после ввода советских войск в Прагу. Автор отмечает, что в динамике отношений между Гойтисоло и СССР важную роль играли его связи с Кубинской революцией. В статье отмечается, что контакты с Гойтисоло позволили советскому литературному истеблишменту 1960-х гг. убедиться в том, что прогрессивная испанская литература существует, и впервые за много лет развернуть активное взаимодействие с ее авторами и издателями. Исследование основывается на архивных материалах, прессе, опубликованных воспоминаниях и интервью автора статьи с советскими знакомыми Гойтисоло.

Ключевые слова: Хуан Гойтисоло, Советский Союз, Франкистская Испания, социализм, испанская литература, художественный перевод, культурная дипломатия.

Информация об авторе: Кристина Романовна Буйнова — кандидат исторических наук, доцент, МГИМО МИД России / Московский государственный университет международных отношений, пр-т Вернадского, 76, 119454, Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6983-5212>

E-mail: k.r.bujnova@inno.mgimo.ru

Для цитирования: Буйнова К.Р. Хуан Гойтисоло в Советском Союзе // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 365–399. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-365-399>

Хуан Гойтисоло (1931–2017) был испанским писателем нового поколения. Он застал гражданскую войну ребенком, его детство прошло в самые тяжелые для страны годы, которые навсегда привили ему ненависть к франкистскому режиму. Он рано сложился как автор и публиковался с 1954 г., причем был не единственным писателем в семье: его братья Хосе Аугустин Гойтисоло (1928–1999) и Луис Гойтисоло (р. 1935) тоже начали писать очень рано, и все трое обрели всемирную известность.

С середины 1950-х гг. Хуан Гойтисоло жил в Париже и работал консультантом по испанской литературе в издательстве «Gallimard». Некоторое время он увлекался марксизмом и поддерживал подпольную коммунистическую партию Испании — на фоне отторжения, которое у него вызывал франкизм¹. В третью годовщину Кубинской революции, на рубеже 1961–1962 гг., Гойтисоло впервые отправился на Кубу и в 1960-е гг. совершил три поездки на Остров Свободы. За это время его восприятие революции эволюционировало от восторженной поддержки до возмущения и отвержения.

Исследователи подчеркивают, что Куба сыграла важную роль в интеллектуальном становлении Гойтисоло [10]. На этом фоне опыт восприятия им советского социализма второстепенен, но тем не менее заслуживает внимания. Отношения Гойтисоло с Советским Союзом до сих пор не изучались; даже в фундаментальных работах лишь кратко резюмируются или пересказываются воспоминания самого писателя о пребывании в СССР². Мы постараемся восполнить этот пробел и предложить исследование на основе архивных документов, прессы и источников личного происхождения. Архивные материалы

¹ Значима была и семейная история: прадед писателя обогатился, уехав из Испании на Кубу и став владельцем сахарной плантации, эксплуатируя чужую землю и рабский труд. Уже во взрослом возрасте его правнук обнаружил письма рабов и был ими потрясен. См. предисловие, написанное Гойтисоло для исследования истории его семьи: *Goytisolo J. Prólogo* // Alharilla Martín Rodrigo Y. Los Goytisolo: Una próspera familia de indios. Marcial Pons Ediciones de Historia, 2016. <https://doi.org/10.2307/j.ctt20fw701>

² Так поступили авторы двух диссертаций о Гойтисоло: [11, р. 342–371; 16, р. 117–118]. — Уже после принятия настоящей статьи в печать появилась ценная работа, посвященная поездке Х. Гойтисоло в СССР в 1965 г., основанная на мемуарах писателя и архивных материалах: Харитонова Н.Ю. Советское путешествие Хуана Гойтисоло в 1965 г.: посредничество и формирование канона зарубежной литературы и границы культурного обмена // Новый филологический вестник. 2026. № 1 (76). С. 284–295. DOI 10.54770/20729316-2026-1-284.

включают в себя переписку Иностранной комиссии Союза писателей СССР, редакций советских журналов и издательств, отчеты гидов-переводчиков, внутренние рецензии и т. д. Также полезным для работы оказался интерес к фигуре Гойтисоло советской прессы. В совокупности эти источники позволяют довольно подробно восстановить канву отношений.

Исследователю этого эпизода культурного взаимодействия выпала редкая удача: мы располагаем воспоминаниями сразу нескольких его участников. Во-первых, обстоятельные мемуары оставил сам Хуан Гойтисоло. Они были опубликованы через двадцать лет после посещения «бастиона социализма», но основаны на синхронных дневниковых записях (своих и жены). Описание поездки 1965 г. вошло в книгу «En los reinos de taifa» [15], а визит 1966 г. описан в очерке «Viaje al Cáucaso en 1966»³. Знакомство с писателем вспоминают советские переводчики Людмила Синянская, Татьяна Кудрявцева, Агустин Аргуэльес Мансо, Дионисио Гарсиа⁴; важные записи в дневниках оставили «новомировцы»⁵. Кроме того, автору удалось лично побеседовать с советскими знакомыми писателя Видасом Силюнасом и Борисом Любимовым⁶. Уникальность мемуаров для нашего исследования заключается в том, что они проливают свет на неформальные стороны советской культурной дипломатии.

«В стране с реакционным франкистским режимом не может быть прогрессивной литературы»

Первое знакомство советских литераторов с Хуаном Гойтисоло состоялось в 1959 г., когда переводчица Людмила Синянская⁷ получила из Парижа издание его первого романа, «La Resaca». Она перевела книгу и еще около года «носила рукопись по журналам

³ Воспоминания Гойтисоло не переведены на русский язык. В статье цитаты будут приводиться в нашем переводе по сборнику, в который вошли оба указанных сочинения: [14].

⁴ Гарсиа Д. Воспоминания. Жизнь испанца в России. Нижний Новгород: Вертикаль XXI век, 2012. 556 с.; Кудрявцева Т.А. Превратности одной судьбы. Записки литератора и переводчика. М.: Р. Валент, 2008. 152 с.; Синянская Л.П. Во сне и наяву среди глыб // Знамя. 2003. № 3. С. 142–173; <Memorias de Agustín Argüelles Manso> // [19].

⁵ Лакишин В. «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953–1964). М.: Книжная палата, 1991. 226 с.; Твардовский А.Т. Новомировский дневник. М.: ПРОЗАиК, 2009. Т. 1: 1961–1966. 656 с.

⁶ Беседа с В.Ю. Силюнасом 26 апреля 2021 г.; беседа с Б.Н. Любимовым 14 мая 2025 г. (Личный архив К. Буйновой).

⁷ Людмила Петровна Синянская (1933–2013) — переводчица испаноязычной художественной литературы, в 1970-е — 1980-е гг. консультант Иностранной комиссии Союза писателей. Перевела на русский язык произведения Алехо Карпентьера, Габриэля Гарсии Маркеса, Марио Варгаса Льюсы, Хулио Кортасара и многих других.

от двери к двери, убеждая, что это талантливый писатель и мы о нем еще услышим». В «Иностранной литературе» наивной начинающей переводчице объяснили: «В стране с реакционным франкистским режимом не может быть прогрессивной литературы»⁸. Советские функционеры действительно были убеждены, что после поражения республиканцев в гражданской войне (1936–1939) Испания погрузилась во тьму фашизма. В этом мнении руководство СССР поддерживала Коммунистическая партия Испании: ее генеральный секретарь (до 1960 г.) Долорес Ибуррури жила в Москве и сохраняла авторитет во всех вопросах, касавшихся Испании. Испанскую литературу в Советском Союзе десятилетиями представляли поэт Рафаэль Альберти (1902–1999) и его жена писательница Мария Тереса Леон (1903–1988), после войны жившие в эмиграции.

Несмотря на это редакция «Иностранной литературы» пыталась заглянуть за горизонт и ежегодно запрашивала рецензии на современные испанские произведения. Год за годом она получала неудовлетворительные отзывы⁹ и утвердилась в мысли, что собственно испанские авторы внимания не заслуживают, а «у испанской эмиграции прозы вообще нет»¹⁰.

И все-таки после обращения Синянской редакция навела справки, узнала, что Хуан Гойтисоло живет в политической эмиграции, а его младший брат арестован в Мадриде за подрывную деятельность против франкистского режима. Отзыв на «La Resaca» заказали нескольким испанистам, и все четыре (!) полученные рецензии были восторженными¹¹. Синянскую вызвали обсуждать редактуру «Прибыя».

Тем временем читателей начали подготавливать к мысли, что прогрессивная литература в Испании все-таки существует. В сентябре 1960 г. в «Огоньке» опубликовали небольшой рассказ Гойтисоло «Los amigos» («Друзья») в переводе Артура Макарова и Агустина Мансо¹². Рассказ сопровождался переводом открытого письма Хуана

⁸ Синянская Л.П. Во сне и наяву среди глыб. С. 147.

⁹ См., например: <Внутренние рецензии на произведения испанских писателей, 1955, 1957 гг.> (РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 16, 150).

¹⁰ Этот вывод в 1955 г. сформулировал О. Савич в рецензии на роман Л. Ландинеса «Сыньювья Максима Худаса» (РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 16).

¹¹ См. внутренние рецензии М. Абезгауз (1959) (РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 263. Л. 5–8), К. Наумова (1960) (Там же. Ед. хр. 327. Л. 5–7), Л. Осповата (24.1.1960) (Там же. Л. 8–11), Ю. Честной (1960) (Там же. Л. 12–15).

¹² Гойтисоло Х. Друзья // Огонек. 1960. № 38 (сентябрь). С. 10–12. Агустин Аргуэльес Мансо (1927–1994) был уроженцем испанского Овьедо и выпускником Литературного института им. А.М. Горького, Артур Макаров (1931–1995), в будущем писатель и киноценарист, был его однокурсником. Они учились у замечательного испаниста Н.Б. Томашевского (1924–1993), были знакомы с будущим переводчиком Гарсии Лорки и других

Гойтисоло в испанскую газету «Пуэбло». В письме он объяснял, что во Франции публикуют не тех испанских писателей, которые, по мнению франкистской «Пуэбло», «вносят свою лепту в международную западную марксистского искусства», а тех, которые не могут издаваться в Испании из-за цензуры¹³. В актив молодому испанскому автору, таким образом, должны были быть зачислены обе характеристики: и сочувствующего марксизму, и пострадавшего от франкистской цензуры.

Одновременно с «Огоньком» до сих пор неизвестного в СССР Гойтисоло упоминала «Литературная газета». Произведения писателя, говорилось там, показывают, что «фашистский режим не в состоянии угасить бурлящий вулкан правды»¹⁴. В конце года в «Неделе» и в передовице «Литературной газеты» анонсировалось скорое знакомство советских читателей с «творчеством молодого испанского прогрессивного литератора Хуана Гойтисоло»¹⁵. «Прибой» вышел в журнале «Иностранная литература» в июне 1961 г.¹⁶ Отныне Гойтисоло был «легализован» как «прогрессивный» испанец, один из авторов «бунтарской литературы», запрещенный фашистским режимом¹⁷.

Еще раз о франкистской цензуре

Не будет преувеличением утверждать, что именно «открытие» Гойтисоло стимулировало поиски других испанских авторов, достойных внимания Советского Союза. Иностранная комиссия начала переписку с литературным агентством Кармен Балсельс и издательством «Seix Barral», важнейшими участниками литературных процессов своего времени, в том числе латиноамериканского бума¹⁸.

великих испанских поэтов А.М. Гелескулом (1934–2011), переводчиком и иконописцем Дионисио Гарсиа (р. 1928), собирались вместе на литературные тертулии. Подробности биографии Мансо стали известны благодаря недавно вышедшей публикации: [19].

¹³ Гойтисоло Х. «Пуэбло» и молодая испанская литература // Огонек. 1960. № 38. С. 11.

¹⁴ Романы Хуана Гойтисоло // Литературная газета. 1960. № 112, 20 сентября. С. 4. Заметка была написана на материале британской критики. До этого «Литературная газета» упоминала Гойтисоло лишь однажды, среди авторов нового итальянского журнала «Литературная Европа», в августе того же 1960 г.: Литературная газета. 1960. № 101, 25 августа.

¹⁵ Слово — редакторам // Неделя. 1960. № 43 (18–24 декабря). С. 16; Литературная газета. 1960. № 153, 27 декабря. С. 1.

¹⁶ Гойтисоло Х. Прибой / пер. с исп. Л. Синянской // Иностранная литература. 1961. № 6. С. 61–150.

¹⁷ Литературная газета. 1961. № 17, 7 февраля. С. 4.

¹⁸ См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2039, 2061. Агентство Балсельс представляло таких авторов как Х. Гойтисоло, К.Х. Села, Ж.М. Кастельет, Х. Лопес Салинас, а также многих латиноамериканцев, в том числе М. Варгаса Льюсу и Г. Гарсию Маркеса. И Кармен Балсельс (1930–2015), и Карлос Баррал (1928–1989) имели офисы в Барселоне.

Редакция «Иностранной литературы» публиковала переводы статей из западной прессы, посвященные оппозиционному франкизму испанским писателям¹⁹. Используя список запрещенных в Испании произведений как дорожную карту, в Советском Союзе впервые опубликовали Альфонсо Састре, Хесуса Лопеса Пачеко, Армандо Лопеса Салинаса, Луиса Гойтисоло, Ану Марию Матуте и других.

Между тем Гойтисоло продолжал жить и работать в Париже, периодически посещая родную Испанию, и об интересе к своей персоне в Советском Союзе не знал. Первые контакты с ним были установлены на рубеже 1960–1961 гг.: Людмила Синянская задавала ему вопросы о переводе «Прибоя»²⁰. Из издательства «Художественная литература» ему писали насчет публикации «Печали в раю»²¹. Связь с «Иностранной литературой» писатель установил сам²².

В 1961 г. он познакомился с приехавшим в Париж Агустином Мансо, который рассказал ему о выходе рассказа «Друзья». Сверстники, разбросанные гражданской войной по разным странам, они быстро нашли общий язык и подружились. Мансо вернулся из Парижа с чемоданом книг и поставил себе целью опубликовать все произведения Хуана в СССР²³. Он начал с того, что передал в журнал «Иностранная литература» просьбу Гойтисоло о выплате гонорара²⁴.

Еще одним советским знакомым Гойтисоло стал Евгений Евтушенко, с которым они пересеклись в Гаване в конце 1961 — начале 1962 г., а год спустя встретились в Париже [14, р. 327–328]. Некоторые

¹⁹ Слово писателей Испании // Иностранная литература. 1962. № 12. С. 210–216 (из французского еженедельника «Леттр франсез»); Диас М. Молодая испанская литература // Иностранная литература. 1962. № 10. С. 202–205; Доменеч Р. Эти книги изданы не в Испании // Иностранная литература. 1963. № 7. С. 226–227 (из независимого испанского журнала «Инсула»). Обзор испанской литературы заказывали и Ж.М. Кастельету, но он не подошел по формату; см. переписку редакции «Иностранной литературы» с Ж.М. Кастельетом, 1961 (РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 113).

²⁰ Синянская Л.П. Во сне и наяву среди глыб. С. 147–148.

²¹ Письмо Г. Степанова Х. Гойтисоло, Ленинград, 21 марта 1961 г.; письмо Х. Гойтисоло Г. Степанову, Париж, 7 апреля 1961 г. (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 4, 6). «Печаль в раю» вышла в 1962 г. в переводе Н. Трауберг.

²² Редакция «Иностранной литературы» не торопилась связаться с автором, и он попытался узнать о судьбе романа «Прибой» через переводчика Г. Степанова в письме от 7 апреля 1961 г. Осенью главный редактор «Иностранной литературы» А. Чаковский сообщил о выходе романа в июньском номере журнала Жозепу Марии Кастельету, который получал почту через парижский адрес своего друга Хуана Гойтисоло (письмо А. Чаковского Ж.М. Кастельету, Москва, 10 октября 1961 г. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 113. Л. 22). Гойтисоло немедленно отозвался просьбой выслать ему экземпляр журнала — «никому не пришлось в голову мне его прислать» (письмо Х. Гойтисоло в «Иностранную литературу», Париж, 17 октября 1961 г. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 118. Л. 19).

²³ См. воспоминания Агустина Мансо, включенные в кн. [19].

²⁴ В переписке «Иностранной литературы» говорится, что в редакцию обратился «представитель испанской компании в Москве де Агустин», который «сослался при этом на обращение к нему автора романа» (Письмо С. Дангулова А. Чаковскому, Москва, 29 августа 1962 г. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 153. Л. 117).

исследователи считают, что Евтушенко был для испанца контактом с «официальным советским аппаратом» [11, р. 342]. Однако нам не удалось найти подтверждений, что поэт сыграл какую-либо роль в развитии взаимодействия СССР с Хуаном Гойтисоло.

Вслед за «Друзьями» и «Прибоем» в Советском Союзе вышли «Земли Нихара», «Ловкость рук», «Цирк», «Остров», «Ронда» и «Народ в походе»²⁵. К середине 1960-х гг. Хуан Гойтисоло стал самым публикуемым в Советском Союзе современным испанским прозаиком²⁶, причем его книги выходили не только на русском, но и на других языках народов СССР²⁷. По количеству вышедших в стране произведений он мог сравниться лишь с одним земляком — давним другом СССР поэтом Рафаэлем Альберти.

Имя Гойтисоло активно использовалось в пропагандистских целях. Вскоре после Карибского кризиса и позже на фоне визита Фиделя Кастро в Москву читателям сообщали о поездке Гойтисоло на революционную Кубу²⁸. Его оппозиция франкистскому режиму упоминалась в советской кампании за освобождение арестованного в Испании поэта Карлоса Альвареса²⁹. Отдельного внимания заслуживает использование памфлета Гойтисоло о франкистской цензуре «Писать в Испании» (*Escribir en España*). В 1963 г. фрагмент этого текста под заглавием «Испанские рецепты» вышел на страницах «Вопросов литературы»³⁰, а на следующий год — в «Литературной газете» и «Литературной России»³¹. Перевод памфлета подготовила и «Иностранная литература»³², но не опубликовала. Это была бы

²⁵ См. Приложение 1.

²⁶ См. переписку Иностранной комиссии с ЦК КПСС: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 257. Л. 16.

²⁷ См. Приложение 2.

²⁸ Народ на марше // Литературная газета. 1963. № 3 (5 января). С. 4; Гойтисоло Х. Звезда Кубы. [Испанский писатель о пребывании на Кубе] // Комсомольская правда. 1963. № 104 (1 мая). Фидель Кастро был в Москве в конце апреля — начале мая 1963 г.

²⁹ Свободу Карлосу Альваресу! // Литературная газета. 1963. № 107, 5 сентября. С. 4. Карлос Альварес Крус (1933–2022) — испанский поэт. Несмотря на поддержку советской пропаганды опубликовать переводы стихов Альвареса в СССР удалось лишь к концу 1960-х: в 1968 г. в издательстве «Прогресс» вышел его поэтический сборник «Преступление совершилось в Мадриде» в переводе О. Савича.

³⁰ Гойтисоло Х. Испанские рецепты // Вопросы литературы. 1963. № 8. С. 242–243. Автор перевода, язык оригинала и источник в публикации не указаны.

³¹ Гойтисоло Х. Самая лучшая в мире цензура // Литературная газета. 1964. № 99, 20 августа. С. 4. Этот текст был переведен с немецкой версии, опубликованной в швейцарском журнале «Die Weltwoche» 31 июля 1964 г. В публикации переводчик не указан, но судя по архивному документу, его выполнил Д. Бенеславский (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Ед. хр. 900). Гойтисоло Х. Испанская цензура — самая лучшая в мире // Литературная Россия. 1964. № 51, 18 декабря. Редакция сообщила, что статья перепечатывается из «парижского журнала „Арт“» в переводе с французского. Переводчик не указан.

³² Гойтисоло Х. «Самая лучшая цензура». Неопубликованный материал. 1964 (РГА-ЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 564. Л. 54–64). Перевод с французского, источник не указан.

уже четвертая (!) публикация одного и того же сочинения. «Вопросы литературы» и «Литературная газета» сократили десять страниц оригинала до двух-трех, оставив лишь ироничное описание категорий романа, которые одобряет франкистская цензура. Эти категории отлично вписывались в советское понимание безыдейной мелкобуржуазной литературы. Бóльшая часть очерка, высмеивающая цензуру и цензоров и изобличающая способы заставить писателя молчать, в обеих публикациях опущена. В недошедших до советского читателя фрагментах Гойтисоло пишет о запрете произведений, «не соответствующих испанским традициям»; о купюрах, вызванных «излишней» натуралистичностью; о «лечении» неугодных писателей остракизмом, публичной травлей и тюрьмой; о «прощении» умерших фрондеров. Испанская цензура, заключает Гойтисоло, способствует тому, что «...писатели, твердо решившие не дать посадить себя за решетку, выступают в поддержку принципов, обеспечивающих им материальное будущее и доброе здоровье»³³. Более полная версия этого сочинения была опубликована в малотиражной «Литературной России»³⁴.

Повышенный интерес к памфлету об испанской цензуре объясняется тем, что франкистский режим традиционно преподносился Советским Союзом как антипод. Советская пропаганда систематически подчеркивала важность культурной оппозиции франкизму [3]. Но Гойтисоло был интересен советским властям не только как инструмент в идеологической борьбе. В руководстве СССР зрело желание установить дипломатические отношения с Испанией [7, с. 1864–1865]. Мнение молодого антифранкиста, не разорвавшего связей со страной, было полезной альтернативой мнению Коммунистической партии Испании, лидеры которой противились любому сближению Москвы с Мадридом³⁵. Вероятно, именно поэтому взаимодействие с испанским писателем обсуждалось непосредственно с Международным отделом ЦК КПСС³⁶.

³³ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Ед. хр. 900. Л. 1–10.

³⁴ «Литературная Россия», заменившая собой «Литературу и жизнь» в 1963 г., была еженедельником Правления Союза писателей РСФСР. Тираж в 1960-е — менее 100.000 экземпляров. Для сравнения «Литературная газета» выходила три раза в неделю тиражом почти 500.000 экземпляров (Записка А. Чаковского в ЦК КПСС о тираже «Литературной газеты». 1964. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 222. Л. 37). Подробно историю «Литературной России» изучил В.В. Огрызко: [5].

³⁵ Период с окончания войны в 1939 г. и до подписания советско-испанского торгового соглашения в 1972 г. до сих пор остается лакуной в исследованиях двусторонних отношений.

³⁶ В 1962 г. консультант Иностранной комиссии по испанской литературе ссылается на разговор с референтом ЦК по Испании В.В. Перцовым (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 13). «Иностранная литература» консультировалась с членом правления общества «СССР — Испания» М.Т. Мещеряковым (письмо С. Дангулова А. Чаковскому, Москва, 29 августа 1962 г. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 153. Л. 117).

Переговоры

Гойтисоло впервые предложили приехать в СССР летом 1962 г., когда советская делегация познакомилась с ним на конгрессе Европейского сообщества писателей во Флоренции³⁷. Главой делегации был секретарь правления Союза писателей Алексей Сурков. Он поговорил с испанцем и объяснил ему, как поступить, чтобы получить деньги за опубликованные в СССР произведения. Вскоре Иностранная комиссия получила телеграмму из Парижа, в которой Гойтисоло официально обращался к Суркову с просьбой способствовать в выплате гонорара³⁸. Сурков незамедлительно написал директору Гослитиздата. Ритуально характеризуя материальное положение коллеги как «весьма затруднительное», он просил «возможно быстрее рассмотреть вопрос о выплате ему в валюте гонорара»³⁹. Учитывая, что речь шла, по словам Суркова, о «писателе-коммунисте», да еще и испанском, а просьба исходила лично от секретаря Союза писателей, можно уверенно предполагать, что чек в Париж был отправлен.

Приехать в тот год писатель не смог: в октябре он спешно уехал на Кубу, чтобы освещать Карибский кризис [10]⁴⁰. Когда в начале следующего года Союз писателей начал подготовку Ленинградской сессии Сообщества европейских писателей (май 1963 г.), Гойтисоло ожидали видеть среди гостей. На этот раз ему не удалось приехать «из-за рогов франкистских властей»⁴¹.

В декабре 1964 г. он вновь встретился с А. Сурковым, на этот раз в Париже⁴², и они вновь договорились о подготовке поездки. Организацию взял на себя лично Сурков, и это еще одно подтверждение того, что этому визиту в СССР придавалась большая

³⁷ А. Сурков: «Цель — лучше понять друг друга» // Литературная газета. 1962. № 66, 5 июня. С. 1. Секретарем советской группы Европейского сообщества писателей был переводчик Георгий Самсонович Брейтбурд (1921–1976), активный неформальный посредник между западными писателями и Иностранной комиссией Союза писателей, в которой он работал консультантом по итальянской литературе. Впоследствии именно его Гойтисоло рекомендовал друзьям, отправляющимся в Москву, как человека, который поможет получить гонорары. См.: [1, с. 50; 9, р. 46].

³⁸ Телеграмма Х. Гойтисоло А. Суркову, Париж, 12 сентября 1962. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2043. Л. 1.

³⁹ Письмо А. Суркова Г. Владыкину, Москва, 13 сентября 1962. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2043. Л. 2. В 1962 г. «Гослитиздат» опубликовал роман Гойтисоло «Печаль в раю».

⁴⁰ Интересно, что в феврале 1965 г., запрашивая в ЦК разрешение принять Гойтисоло сверх плана, Сурков напишет, что поездка 1962 г. не состоялась «из-за препятствий франкистских властей» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 257. Л. 16).

⁴¹ Запись беседы с испанским писателем Хуаном Гойтисоло (2 августа 1965 г.). РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 9.

⁴² Дата установлена по отчету Суркова о командировке: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6295. Л. 3.

важность. Обычно переписку о приезде иностранного автора вели консультанты Иностранной комиссии, писателей приглашали на две недели, расходы за проезд членов семьи им предлагали взять на себя, а гонорары обещали выплатить в советских рублях уже в Москве. В случае с Гойтисоло Сурков начал с утверждения визита сверх плана в ЦК КПСС⁴³. Писателя пригласили на месяц вместе с женой и дочерью; деньги на билеты обоих супругов были отправлены им в инвалюте, оплату проезда дочери писателю вернули в рублях. На фоне переговоров издательство «Прогресс» отправило в Париж чек с гонораром⁴⁴.

В начале марта писатель подтвердил получение приглашения и выразил готовность приехать в июле. Его пожелания относительно туристической программы выглядели очень амбициозно: «Я бы хотел посетить Ленинград, Крым, Кавказ (Армению, Грузию, Азербайджан) и, если останется время, — Туркестан (Самарканд) и Сибирь»⁴⁵. В качестве переводчика он просил приставить к нему Агустина Мансо⁴⁶.

1965: «не перепутали ли меня с Арагоном и Альберти»

Советская сторона по мере возможностей учла пожелания гостя. Согласно отчету переводчика, с 3 июля по 6 августа 1965 г. Гойтисоло с семьей посетил Москву, Ясную Поляну, Владимир, Суздаль, Ленинград, Ташкент, Самарканд, Бухару, а также провел неделю в Доме творчества Литфонда в Ялте. В Москве он вновь встретился с Сурковым, Брейтбурдом и другими сотрудниками Иностранной комиссии, побывал в редакциях «Нового мира», «Иностранной литературы», «Литературной газеты», «Литературной России»⁴⁷, «За рубежом» и издательства «Прогресс»⁴⁸.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 257. Л. 16.

⁴⁴ Это был гонорар за издание: *Гойтисоло Х.* Ловкость рук. Прибой. Цирк. Остров. М.: Прогресс, 1964. 621 с., на сумму около 1000 руб. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 13). Гойтисоло побывал в редакции «Прогресса» 6 июля 1965 г. и лично благодарил директора издательства И.К. Замчевского «за хорошее издание <...>, а также за выплаченный гонорар за эту книгу» (ГА РФ. Ф. Р-9590. Оп. 1. Д. 657. Л. 44).

⁴⁵ Письмо Х. Гойтисоло А. Суркову, Париж, 19 марта 1965. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2064. Л. 1.

⁴⁶ Письмо Х. Гойтисоло А. Суркову, Сен-Тропе, 25 апреля 1965. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2064. Л. 5.

⁴⁷ Посещение «Литературной России» состоялось 3 августа, см.: Хуан Гойтисоло — гость «Литературной России» // Литературная Россия. 1965. № 32, 6 августа. С. 22.

⁴⁸ Отчет консультанта по испанской литературе Иностранной комиссии Видаса Силюнаса о работе с испанским писателем Хуаном Гойтисоло. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 1. В отчете не упоминаются Владимир, Суздаль и Ясная Поляна. О поездке во Владимир и Суздаль, где он случайно стал очевидцем съемок фильма А. Тарковского

Сопровождавшим его переводчиком стал молодой сотрудник Иностранной комиссии Видас Силюнас (р. 1938)⁴⁹. Ему приходилось беседовать по поводу Гойтисоло с референтом международного отдела ЦК КПСС по Испании⁵⁰. Он хорошо осознавал, что написанный им отчет будет внимательно изучен «наверху», поэтому сосредоточился на том, что составляло интерес руководства. Поскольку ЦК КПСС интересовало сближение с Испанией — вопреки позиции КПИ, — Силюнас преподнес Гойтисоло как человека, который «целиком и полностью придерживается учения марксизма-ленинизма», но не вступает в испанскую компартию из-за несогласия с ее официальной позицией⁵¹. Если верить отчету, писатель считал, что Советскому Союзу необходимо в ближайшее время установить дипломатические отношения с Испанией, признавая при этом не Франко, но испанский народ. Руководители КПИ, объяснял Гойтисоло, «уже двадцать пять лет не живут в стране, не знают нового реального положения вещей и мыслят категориями 1939 г., ставшими ложными в 1965 г.», после XX съезда они так и «не освободились от догматизма», и поэтому полагаться на их мнение нельзя⁵².

Переходя к вопросам литературы, Силюнас перечислил несколько уже известных и новых многообещающих имен, названных гостем⁵³, а также передал его совет пригласить в СССР критика Жозепа Марию Кастельета и издателя Карлоса Баррала.

В остальном переводчик был уклончив, «чтобы не подвести гостя и себя»⁵⁴. О подробностях поездки мы гораздо больше узнаем из воспоминаний писателя. Путевые заметки замышлялись им еще в конце 1960-х, но написаны лишь двадцать лет спустя на основе дневниковых записей, потому что Гойтисоло опасался, что франкистский режим воспользуется его критикой в целях антикоммунистической пропаганды [14, р. 467]⁵⁵.

«Андрей Рублев», писатель сообщает в воспоминаниях [14, р. 443–444]. Посещение усадьбы Льва Толстого он упоминает в интервью «Литературной газете» («Три дня... и три года»). Запись М. Злобиной // Литературная газета. 1965. № 99, 21 августа. С. 4).

⁴⁹ Видмантас Юргевич Силюнас (р. 1938) — доктор искусствоведения, крупнейший специалист по испанскому театру, в 1965 г. был аспирантом ГИТИСа.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 13.

⁵¹ Там же. Л. 4. В целом характеристика Силюнаса соответствовала истине.

⁵² Там же. Л. 2. История показала, что отношения с франкистской Испанией становились тем лучше, чем меньше Москва оглядывалась на КПИ, см.: [7, с. 1864–1865].

⁵³ Среди современников Гойтисоло, согласно Силюнасу, особенно выделил Ану Марию Матуте, Луиса Мартина-Сантоса, Рафаэля Санчеса Ферлосио, Кармен Мартин Гайте и своего брата Луиса Гойтисоло (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. Л. 6).

⁵⁴ Беседа с В.Ю. Силюнасом 26 апреля 2021 г. (Личный архив К. Буйновой).

⁵⁵ На русский язык мемуары переведены не были, если не считать небольшой фрагмент, вошедший в сборник *Гойтисоло Х. Печаль в раю. Возмездие графа дона Хулиана. Хуан Безземельный. Макбара. Эссе. Воспоминания*. М.: Радуга, 1988.

Писатель вспоминает о советском опыте с симпатией и юмором. Предваряя свой рассказ, он говорит, что ехал

...в страну будущего: в этот бастион научного социализма, колыбель славной Октябрьской революции, надежду и прибежище эксплуатируемых, в устрашающий, восхищающий и ненавидимый СССР, объект недолговечных наваждений юности и не менее скоротечных привязанностей зрелости, в Москву, одно упоминание которой заставляло моего отца вздрагивать и которую <...> я наконец готовился посетить и изучить без всяких шор [14, р. 433].

Накануне поездки у испанца были опасения, что он станет «жертвой пышного приема». Его предчувствия оправдались. Его с женой и дочерью поселили в гостинице «Советская», «предназначавшейся, как я узнал позже, для избранных гостей» [14, р. 434]. Во Владимире их встречали всем отделением Союза писателей, и принесли каждому гостю по букету: «свой я отдал Видасу и спросил, не перепутали ли меня с Арагоном и Альберти» [14, р. 443]. Переводчик всеми силами спасал Гойтисоло от бесконечных официальных встреч, но приходилось смириться с неизбежным: «я первый испанский писатель, не считая Альберти, который посетил эту страну, и к нам неизбежно проявляют естественное и дружелюбное любопытство» [14, р. 453]. В целом писатель с теплотой и благодарностью вспоминал старания сотрудников Иностранной комиссии сделать их пребывание в СССР приятным.

Гости настояли на культурно-исторической программе в ущерб посещениям колхозов и заводов. В итоге они остались в восторге, хотя им показалось парадоксальным, что нигде в мире им не приходилось видеть столько религиозного искусства и архитектуры, как на родине научного атеизма [14, р. 434]. В Москве программа Гойтисоло делилась на официальные встречи и дружеские посиделки. Организацией первых занималась Иностранная комиссия Союза писателей. Писатель посетил своих издателей и собрал гонорары, которые оценил как весьма солидные [14, р. 434]. «В первый и, возможно, единственный раз в жизни у меня было достаточно денег, чтобы баловать компанию друзей застольем, и <...> я наслаждался возможностью вести себя как миллионер» [14, р. 438]⁵⁶.

⁵⁶ «Пирь» в ресторанах вспоминает и Дионисио Гарсиа, правда, щедрость испанского друга он объясняет тем, что тот был «богат, да еще и благороден по характеру» (*Гарсиа Д. Воспоминания. С. 371*).

Гойтисоло в «Новом мире»

У личной встречи Гойтисоло с редакцией «Нового мира» была своя предыстория. Когда в 1963 г. Главлит запретил А. Твардовскому публиковать «Чуму» А. Камю, ее заменили «более прогрессивным произведением испанского автора Гойтисоло “Чанка”»⁵⁷. «Чанка» стала одной из трех вещей испанца, опубликованных в журнале до конца 1960-х гг.⁵⁸ Кроме того, «Новый мир» охотно публиковал рецензии на другие его произведения⁵⁹. В приезд 1965 г. Гойтисоло посетил журнал дважды: 9 июля и 6 августа⁶⁰. В первый раз он не застал, как надеялся, Твардовского, но произвел приятное впечатление на редакцию:

Умен и хорош. Говорил об испанской литературе, проповедовал нам поэта Сернуду. Хорошо отзывался о Солженицыне, о журнале. Приятны его спокойная серьезность, сдержанность и внимание к собеседнику. Спор о Бабеле и Солженицыне. Мне показалось, что Бабеля и литературу 20-х годов он ставит слишком высоко. К тому же думает, что Солженицын и Аксенов стоят в одном ряду⁶¹.

Список других советских любимцев испанского гостя — Блок, Есенин, Ахматова, Мандельштам — вызвал у новомирцев понимающую улыбку [14, р. 437].

Второй раз Гойтисоло пришел ради встречи с Твардовским. Он знал, что главный редактор «Нового мира» — «первый и единственный издатель Солженицына», и что, хоть он и был частью советской номенклатуры, «выделялся среди равных себе духом независимости и удивительной открытостью мысли» [14, р. 435]. Их симпатия стала взаимной. В дневнике Твардовского о Гойтисоло осталась такая заметка:

⁵⁷ Лакишин В. «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953–1964). С. 123, 127. «Чуму» запрещали в течение ряда лет, Твардовскому так и не удалось опубликовать ее в своем журнале.

⁵⁸ Гойтисоло Х. Земли Нихара / пер. А. Макарова и Н. Трауберг // Новый мир. 1962. № 7. С. 40–81; Гойтисоло Х. Чанка / пер. А. Макарова // Новый мир. 1963. № 4. С. 119–154; Гойтисоло Х. Народ в походе / пер. А. Макарова // Новый мир. 1964. № 2. С. 102–139.

⁵⁹ Зернова Р. Смерть надежды (Хуан Гойтисоло. Печаль в Раю. Перевод с испанского Н. Трауберг) // Новый мир. 1962. № 10. С. 251–253; Злобина М. Искания и открытия Гойтисоло (Хуан Гойтисоло. Ловкость рук. Прибой. Цирк. Остров. Романы. Перевод с испанского) // Новый мир. 1965. № 1. С. 268–272; Зонина Л. Особые приметы (Хуан Гойтисоло, Особые приметы. Роман. Перевод с испанского Л. Синявской и П. Глазовой) // Новый мир. 1968. № 1. С. 252–255.

⁶⁰ Даты восстановлены по дневникам А. Твардовского и В. Лакишина: Твардовский А. Т. Новомирский дневник. Т. 1: 1961–1966. С. 373; Лакишин В. Солженицын и колесо истории. М.: Вече-Азъ, 2008. С. 297–298.

⁶¹ Лакишин В. Солженицын и колесо истории. С. 297–298.

Умный, милый, красивый. Замечательно было услышать от него... о чем мы в узком кругу договаривались по переводам — о Неруде⁶². <...> Он начал с того, что, мол, хоть и не знает русского, но в курсе дел «НМ», его трудностей и считает их своими трудностями <...> Г. Бёлль, побывавший на неделях, показался мне менее интересным⁶³.

Покидая редакцию, Гойтисоло пообещал, что передаст свой следующий роман для печати именно в «Новый мир» (это намерение не реализовалось)⁶⁴. Новомирцы стали для него отрадным контрастом на общем фоне советских издателей и литературных функционеров:

За рамками мировой классики литературные вкусы принимавших меня людей представляли собой смесь невероятного невежества, косного догматизма и самодовольной, безнадежной посредственности. Никто или почти никто из современных писателей, которыми я восхищался, не заслуживал их одобрения: ни Пруст, ни Джойс, ни Кафка, ни Свево, ни Борхес не были изданы на русском языке и не находились в процессе перевода [14, р. 435–436].

В одной из редакций гость спросил, почему в Советском Союзе не опубликуют «Время тишины» Луиса Мартина-Сантоса — по общему признанию, один из лучших послевоенных испанских романов. Ответ собеседницы его «потряс»: роман не опубликуют, потому что он очень сложный, и советский читатель его не поймет [14, р. 436]⁶⁵. «Это абсолютно патерналистский подход, — объяснит он в позднем интервью, — если не публиковать такие произведения, то советский читатель никогда их не поймет, ни в двухтысячном, ни в две тысячи пятисотом году»⁶⁶.

⁶² Оба разделяли мнение, что творчество Неруды неровное по качеству, а личность его у обоих вызывала раздражение. Твардовский обвинял чилийского поэта в том, что тот добровольно защищал сталинизм на международной арене, зная о репрессиях. «Договоренностью» было решение не публиковать Неруду в «Новом мире» [14, р. 435]. Действительно, за все время, что Твардовский был главным редактором «Нового мира», имя Неруды упоминалось в журнале лишь раз: в воспоминаниях Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

⁶³ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т. 1: 1961–1966. С. 373.

⁶⁴ Об этом обещании напоминал Гойтисоло Видас Силюнас в письме от 27 августа 1966 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 78. Л. 30). Тем не менее «Особые приметы» вышли в журнале «Иностранная литература».

⁶⁵ Три года спустя в Москве побывал друг Гойтисоло, перуанский писатель Марио Варгас Льюса, который тоже удивился, что решения за советских читателей принимает редакция. Так, ему сказали, что удаленные из его книги эпизоды «могли бы оскорбить советских читателей» [1, с. 76; 9, р. 66].

⁶⁶ Из интервью Гойтисоло 1974 г.: Jiménez M. Encuentro con Juan Goytisolo. *Letras*. 1979, Vol. 3, N. 3. P. 51–60. P. 55.

Разочарование от общения с официальным миром советской литературы компенсировали дружеские посиделки с «испанскими детьми». Он несколько раз встречался с Агустином Мансо, Дионисио Гарсией и Анхелем Гутьерресом (1932–2024). Гутьеррес был театральным режиссером, а Гарсия — переводчиком и реставратором икон⁶⁷. Сверстники и в определенном смысле соотечественники, они познакомили Гойтисоло с другими советскими реалиями, например, с бытовыми условиями (Дионисио приглашал их к себе в коммуналку) и с особенностями сексуальной жизни советского человека [14, р. 450]. Эта же тема чуть не стала причиной опоздания гостей на самолет [14, р. 449–450]⁶⁸.

Другим исключением в смысле интересного общения были советские переводчики. В редакции «Литературной газеты» Гойтисоло говорил с Майей Злобиной⁶⁹, в «Иностранной литературе» — с уже знакомой ему по парижским встречам Татьяной Кудрявцевой⁷⁰. В прогулках по Ленинграду семью сопровождали Давид Прицкер и Руфь Зернова⁷¹. За месяц Гойтисоло дважды пересекся с Лениной Зониной, сопровождавшей Жана-Поля Сартра и Симону де Бовуар⁷². В Доме творчестве Литфонда он мгновенно выделил среди массы

⁶⁷ Все трое оставили воспоминания, но встречи с Гойтисоло упоминают только Мансо и Гарсия: <Memorias de Agustín Argüelles Manso>; *Гарсия Д.* Воспоминания. Жизнь испанца в России. Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век», 2012. С. 367–368.

⁶⁸ Именно этим сюжетом — из-за пережитого стресса и комедийности положения — визит Гойтисоло больше всего запомнился переводчику. Беседа с В.Ю. Силюнасом 26 апреля 2021 г. (Личный архив К. Буйновой).

⁶⁹ «Три дня... и три года» Запись М. Злобиной. С. 4. Майя Лазаревна Злобина (р. 1930) — литературный критик, сотрудница «Нового мира», перевела на русский язык некоторые произведения Альбера Камю. С конца 1960-х гг. активистка самиздата.

⁷⁰ Хуан Гойтисоло в «Иностранной литературе». Запись Т. Кудрявцевой // Иностранная литература. 1966. № 5. С. 254–255. Татьяна Алексеевна Кудрявцева (1920–2013) — переводчик с английского и французского языков, работала «устником» в высших органах советской власти, часто выезжала за границу как переводчик ЮНЕСКО; перевела произведения Д. Лондона, Д. Голсуорси, Д. Апдайка, Г. Грина и многих других. Гойтисоло познакомил Кудрявцеву с Карлосом Фуэнтесом, Луисом Бунюэлем, Катрин Денёв и другими своими друзьями. О знакомстве с Хуаном Гойтисоло она рассказала в книге воспоминаний: *Кудрявцева Т.А.* Превратности одной судьбы. С. 47–52. По просьбе Кудрявцевой Гойтисоло написал для «Иностранной литературы» статью о дружбе с Эрнестом Хемингуэем, которого он сопровождал в Испании и знакомил с корридой (*Гойтисоло Х.* Встречаясь с Хемингуэем / пер. М. Былинкиной // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 251–253).

⁷¹ Давид Петрович Прицкер (1917–1997) — историк, специалист по Испании периода республики и гражданской войны. Руфь Александровна Зернова (1918–2004) — писательница и переводчик; прошла через лагерь; в 1976 г. эмигрировала в Израиль. Прицкер и Зернова участвовали в гражданской войне в Испании в качестве военных переводчиков. Оба они, пишет Гойтисоло, проявили «необычную <...> непосредственность и теплоту, и мы сразу же ощутили прилив взаимной симпатии» [14, р. 446].

⁷² Ленина Александровна Зонина (1922–1985) — литературный критик, личный секретарь Ильи Эренбурга, переводчик, друг Жан-Поля Сартра, Симоны де Бовуар, Луи Арагона, Эльзы Триоле. В 1966 г. подписала письмо в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, после чего на много лет стала «невъездной» (*Копелев Л., Орлова Р.* Мы жили в Москве. 1956–1980. М.: Книга, 1990. С. 416).

отдыхающих переводчика Николая Любимова⁷³. Там же, в Крыму, он с удовольствием обсуждал мировую и советскую литературу с Николаем Томашевским⁷⁴. Каждый из них был по-своему исключительной личностью, обладавшей «непосредственностью, откровенностью и характером, который тысячекратно отличается от сдержанности и официальности большинства его коллег» [14, р. 463]⁷⁵, а взгляды и последующая судьба почти каждого из них дали писателю основание говорить о своей солидарности с «зарождающимся советским диссидентством» [14, р. 467].

Характерен и список писателей, с которыми испанец хотел встретиться в СССР: А. Ахматова, В. Некрасов, Ю. Казаков, В. Аксенов, Е. Евтушенко⁷⁶. Из всех перечисленных в эту поездку ему удалось увидеться лишь с последним. К Ахматовой его не пустили под предлогом недомогания поэтессы после заграничной поездки [14, р. 449]⁷⁷. Некрасова, с которым они подружились в 1962 г. во Флоренции, вопреки ожиданиям не оказалось в Ялте. Правда, Гойтисоло был не первым иностранцем, для которого Некрасова «не оказалось» в городе. Весьма вероятно, что на самом деле их встреча не состоялась, потому что Некрасов «впал в немилость, <...> пьет и пишет “непубликабельные” вещи» [14, р. 458]⁷⁸.

Испанские гости скоро узнали, что «нежелательными» для их глаз и ушей могут быть не только некоторые личности, но и города. Соскучившись в «стерильной резиденции» писателей в Ялте, писатель с семьей попытался попасть в Севастополь:

⁷³ Николай Михайлович Любимов (1912–1992) — переводчик произведений Джованни Бокаччо, Мигеля де Сервантеса, Марселя Пруста, Франсуа Рабле, Мольера и других классиков. Переводчик «Дон Кихота» вежливо уклонился от общения с испанцем. Гойтисоло решил, что Любимов опасался общаться с иностранцами как жертва репрессий 1930-х гг.; вероятнее всего, дело было в том, что он уже много лет не практиковал устную французскую и испанскую речь и очень стеснялся. Зато испанская семья подружилась с детьми Любимова, особенно с Борисом. (Беседа с Б.Н. Любимовым 14 мая 2025 г. (Личный архив К. Буйновой)). Борис Николаевич Любимов (р. 1947) — театровед и театральный критик, ректор Высшего театрального училища имени М.С. Щепкина.

⁷⁴ Николай Борисович Томашевский (1924–1993) — переводчик с испанского и итальянского языков, литературный критик, преподаватель; перевел на русский язык произведения Лопе де Веги, Педро Кальдерона, Мигеля Унамуно, Никколо Макиавелли и других.

⁷⁵ Это определение Гойтисоло дал Николаю Томашевскому, но, судя по контексту, оно применимо ко многим его советским знакомым.

⁷⁶ Казакова, Аксенова и Евтушенко — «молодых советских писателей, которых знаю и люблю» — Гойтисоло называет в переписке с Сурковым. (Письмо А. Суркову, Париж, 19 марта 1965. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2064. Л. 1).

⁷⁷ В июне 1965 г. Ахматова ездила в Великобританию на вручение диплома почетного доктора Оксфордского университета. Через месяц посетить Ахматову в Комарово разрешили Мигелю Отеро Сильве, условившись, что он не будет рассказывать об этой встрече публично, см.: [2].

⁷⁸ В 1963 г. во встрече с Некрасовым несколько раз отказывали Стейнбеку, ссылаясь в том числе на то, что писатель болен или не в городе, см.: [4, с. 196].

Аэропорты, гостиницы, офисы «Интуриста» — все они пестрят броскими агитационными плакатами с настойчивым приглашением посетить Севастополь, *la ville héroïque*. <...> [Видас] возвращается из «Интуриста» с угрюмым выражением лица: движение между Ялтой и Севастополем временно прекращено из-за ремонтных работ на одном из участков дороги, и пока мы не можем туда поехать. Слегка недоумевая, мы обсуждаем другие планы поездки, когда, взглянув на карту Крыма, я понимаю, что еще одна дорога связывает эти два города <...> Я сообщаю об этом открытии Видасу и сопровождаю его в офис «Интуриста». Несколько минут он беседует с агентом, а затем возвращается потрясенный: объездная дорога тоже отрезана. Тогда мы поедem на катере, — говорю я <...> Еще один резкий, вполголоса, разговор с сотрудницей: работа катеров приостановлена! Возбужденный невероятным нагромождением препятствий, я прошу Видаса прямо спросить, какого черта она не хочет, чтобы мы ехали в Севастополь. Наш друг переводит мои слова, но вместо ответа агент надменно складывает руки на груди, красноречиво выражая гнев и неодобрение [14, p. 462].

Вернувшись в Москву, Гойтисоло не упустил возможность поделиться этим кафкианским сюжетом с экзистенциалистом Сартром и выяснил, к вящему восторгу обоих, что с французом произошла точно такая же история в прошлый его приезд в СССР. Вместе они предположили, что в Севастополе готовится секретная отправка оружия на Кубу. Двадцать лет спустя «*this "I never got to Sebastopol"*» по-прежнему остается <...> одной из загадок того путешествия, которую, боюсь, мне никогда не удастся разгадать» [14, p. 462–463]⁷⁹.

Несмотря на этот и некоторые другие неприятные сюрпризы, впечатления писателя от первой поездки в СССР были скорее положительными:

Советский Союз — эталон для одних и жупел для других писателей — не вызвал у нас восторга, но и не привел в ужас. Во время нашего пребывания было место озарениям, душевности, а порой и чувству солидарности. Во всяком случае, возможность заглянуть в общество будущего привила нам здоровый скептицизм

⁷⁹ Разумеется, дороги между Ялтой и Севастополем не были перекрыты. Ограничения на въезд в город иностранцев были связаны с тем, что Севастополь был главной базой Черноморского военно-морского флота. За годы холодной войны отделение «Интуриста» в Севастополе функционировало лишь в 1961–1964 гг. [6, с. 227].

в отношении государственного планирования счастья и, возможно, невзначай, обострила наше чувство юмора [14, р. 466].

Вернувшись в Париж, Гойтисоло написал письмо консультанту Иностранной комиссии по литературе Испании и Латинской Америки Нине Булгаковой. В нем он благодарил Союз писателей за прием и с энтузиазмом говорил о новом визите: «...ловлю вас на слове (и даже были свидетели, когда вы нас пригласили!!)»⁸⁰. Он также обещал оказать прием советским друзьям в Париже.

1966: новое путешествие на Луну

Новая возможность «побывать на Луне», как Гойтисоло называет СССР в воспоминаниях о второй поездке, представилась ему уже через год⁸¹.

В 1966 г. в Тбилиси готовились к празднованию 800-летия Шота Руставели. Испанию, кроме эмигрантов Альберти и Леон, должны были представлять Хуан Гойтисоло, Хесус Лопес Пачеко, Карлос Баррал и Жозеп Мария Кастельет. В переписке Гойтисоло не обнаруживает никаких сомнений по поводу своего приезда и, более того, выступает посредником в приглашении других испанцев. В частности, он передает просьбу барселонцев Баррала и Кастельета «сохранить в полной тайне их путешествие»⁸². Издатель и критик опасались наказания за посещение СССР со стороны франкистских властей и в конце концов не решились приехать.

Добравшись до Москвы, испанец из Парижа оказался во франкоязычной делегации. Скорее всего, Гойтисоло сам попросил распределить его в группу к французам и Ленине Зониной, а не к Рафаэлю Альберти и Марии Тересе Леон, с которыми у него были натянутые отношения. Поведение Гойтисоло по отношению к именитым супругам в той поездке «несколько омрачило их пребывание». Сопровождавшая Альберти и Леон переводчица, Элла Брагинская, написала в своем отчете:

Разумеется, что Р. Альберти, более тридцати лет живущий в эмиграции, по самым разным причинам искал контакта с молодыми испанскими писателями Х. Гойтисоло и Х. Лопесом Пачеко.

⁸⁰ Письмо Нине Булгаковой, Париж, 17 августа 1965. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2064. Л. 8. Пер. с франц.

⁸¹ См.: *Goytisolo J. Viaje al Cáucaso en 1966* // [14, р. 503–510].

⁸² Письмо Х. Гойтисоло Г. Брейтбурду, Париж, 26 июля 1966. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 24. Л. 15. Пер. с француз.

Однако Хуан Гойтисоло и вслед за ним Х. Лопес Пачеко не оказывали особых знаков внимания Р. Альберти и даже в известной мере сторонились его. Р. Альберти говорил мне о том, что ему не по душе поведение Гойтисоло и что Х. Лопес Пачеко, попав под влияние Гойтисоло, невольно держится с особой настороженностью⁸³.

Дело, конечно, было не в разнице возрасте и не в эмиграции. Автор «Особых примет» уважал Альберти как поэта, но причислял его к тем западным интеллектуалам, которые были «прямыми свидетелями суровой правды о советской системе» предыдущей эпохи. Зная «о ссылках, убийствах и жестокой травле своих товарищей-писателей, они молчали, а то и аплодировали фарсу судебных процессов и продолжали свои революционные туристические поездки, наслаждаясь привилегиями, недоступными простым людям» [14, р. 391].

Обществу скомпрометированных, с его точки зрения, старших испанцев Гойтисоло предпочитал своих друзей Агустина, Анхеля и Дионисио. Он провел с ними первые два дня в Москве, а кроме того побывал в редакции «Иностранной литературы»⁸⁴ и сходил в ресторан в компании поэтов-шестидесятников⁸⁵. Затем отправился в Тбилиси вместе с Зониной, Лопесом Пачеко, Василием Аксеновым, Константином Симоновым и Евгением Евтушенко [14, р. 504]. Отчета переводчика об этом визите не сохранилось, поэтому полагаться приходится в основном на воспоминания Гойтисоло. В этой поездке он не вел дневниковых записей и двадцать лет спустя описал лишь самые яркие впечатления. Среди них — чувство неловкости при виде женщин, вручную кладущих асфальт под палящим солнцем среди удушающих паров, бесплодные попытки иностранных гостей обсудить дело Синявского и Даниэля, экскурсия в Гори, а также грузинские застольные традиции, оказавшиеся опасными для здоровья иностранцев⁸⁶. Выдержавший испытание грузинским гостеприим-

⁸³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 77. Л. 4.

⁸⁴ Несколько месяцев спустя «Иностранная литература» опубликовала беседу с Гойтисоло и Лопесом Пачеко: «Может быть, нет в Испании воздуха?». Хесус Лопес Пачеко и Хуан Гойтисоло в «Иностранной литературе». Запись М. Канторовича // Иностранная литература. 1967. № 7. С. 260–262.

⁸⁵ Встречу в ресторане «для свободного собеседования» устроил Евгений Евтушенко, присутствовала также Белла Ахмадулина. Переводчиком Гойтисоло в этот вечер был Дионисио Гарсиа (*Гарсиа Д.* Воспоминания. С. 367). Гарсиа также вспоминает, как они вместе с писателем ходили к артистам Е. Урбанскому, О. Бган, А. Филозову, Т. Лавровой и другим (Там же. С. 371).

⁸⁶ Гойтисоло рассказывает, что после поездки в Грузию Лопес Пачеко довольно долго лежал в больнице из-за проблем с печенью [14, р. 508]. В письме в Советский Союз сам Лопес Пачеко назвал свое недомогание «гастро-грузитисом» (*gastro-georgitis*) (Письмо в редакцию «Иностранной литературы», Прага, 18 октября 1966. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5.

ством, Гойтисоло все же убедился на личном опыте, «как сложно избежать алкоголизма, царящего в [советских] интеллектуальных кругах». После вечера, проведенного в Москве в компании писателя Константина Симонова и режиссера Романа Кармена, он добрался до гостиницы только благодаря помощи Зониной [14, р. 509].

В 1967 г. Гойтисоло отправил на каникулы в СССР свою 15-летнюю падчерицу⁸⁷. Кароль Ашаш приехала одна и провела несколько недель в гостях у Татьяны Кудрявцевой, учила русский язык со своим ялтинским знакомым — Борисом Любимовым, общалась с его отцом, ездила в Киев⁸⁸. Ее поездка стала последним непосредственным контактом семьи Хуана Гойтисоло с Советским Союзом.

1968: точка невозврата

В воспоминаниях Гойтисоло пытается представить свою связь с СССР ослабевшей еще перед поездкой 1966 г. Он утверждает, что решение приехать далось ему нелегко, и называет среди причин «советизацию революционного процесса на Кубе, арест писателей Даниэля и Синявского, внезапный крах надежд на постепенную оттепель в культуре» [14, р. 467]. На первый взгляд кажется, что эти аргументы с их точными формулировками (советизация, оттепель) — результат осмысления много лет спустя. Тем не менее, с каждым из этих процессов Гойтисоло связывает личный опыт. В июле 1967 г. он в третий (и последний) раз едет на Кубу. Восторг от первого посещения, когда писатель «принял свое восхищение Кубой за восхищение революцией»⁸⁹, в значительной степени прошел после поездки середины 1960-х, а новое приближение лишь способствовало разочарованию. В Гаване ему рассказали о революционных трудовых лагерях, куда отправляли всех «неблагонадежных»: диссидентов, гомосексуалистов, маргиналов. Его кубинские друзья, например, Карлос Франки, стали опасаться преследований и уезжать в эмиграцию. Кабреру Инфанте, впавшего в немилость, просили даже не упоминать во время интервью на телевидении (Гойтисоло слушался: имени он не произнес, но заявил, что одно из лучших

Ед. хр. 659. Л. 22). Грузинское застолье на 800-летию Руставели было испытанием даже для старавшихся не пить на работе переводчиков (Беседа с В.Ю. Силиюнасом 26 апреля 2021 г. Личный архив К. Буйновой).

⁸⁷ В воспоминаниях писатель ошибочно относит поездку Кароль к августу 1966 г. [14, р. 467], однако в архиве сохранились телеграммы в связи с ее приездом, датированные 1967 г. (Телеграммы Т. Кудрявцевой Х. Гойтисоло, Москва, 3 июля и 23 августа 1967. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 715. Л. 133, 134).

⁸⁸ Беседа с Б.Н. Любимовым 14 мая 2025 г. (Личный архив К. Буйновой).

⁸⁹ Цит. по: [10]

произведений новой кубинской литературы — это «Три грустных тигра»). Для себя испанец сделал вывод, что кубинская революция пошла по советской модели, и ему это не нравилось.

Кроме того, нам удалось найти косвенное подтверждение тому, что судебный приговор А. Синявскому и Ю. Даниэлю заставил Гойтисоло пересмотреть свои отношения с СССР. В начале 1966 г. его падчерица Кароль написала своему советскому другу по переписке Борису очень странное письмо. Она сообщила, что они с матерью и отчимом хотели приехать снова, но не придут, потому что «друзья другого Бориса больны»⁹⁰. Молодая француженка эзоповым языком сообщала, что причина отказа от поездки — арест и осуждение («болезнь») автора статьи о Пастернаке (Синявского) и его товарища (Даниэля)⁹¹.

В итоге, как мы знаем, полгода спустя Гойтисоло все-таки приехал:

Сначала я думал вежливо отказаться от приглашения, но дружеская настойчивость советских друзей и короткая продолжительность поездки вселили в меня сомнения. Справедливо полагая, что этот визит будет последним, если я опубликую, как планировал, своего рода дневник предыдущей поездки, я счел неразумным упускать возможность сопоставить свои впечатления с реальностью, которая их породила [14, p. 467].

Дневник поездки не был опубликован по той же причине, по которой в 1960-е гг. большинство публичных сторонников социализма хранило молчание о неприглядных сторонах советской и кубинской реальности: нежелание своей критикой делать одолжение антикоммунистической пропаганде. Бесспорно при этом, что разочарование в социализме в конце 1960-х гг. было важной тенденцией в среде западных писателей-антиимпериалистов. Они с беспокойством наблюдали за подчинением культуры и преследованием диссидентов на Кубе и за новой чередой литературно-политических процессов

⁹⁰ Беседа с Б.Н. Любимовым 14 мая 2025 г. (Личный архив К. Буйновой).

⁹¹ Еще при жизни Пастернака Андрей Синявский написал большую статью о его поэзии и получил от поэта письмо с благодарностью и похвалой (впоследствии это письмо было опубликовано: Гинзбург А. Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. С. 144–145). Развернутое предисловие Синявского к тому Пастернака в престижной серии «Библиотека поэта» чудом увидело свет: книга была подписана в печать 25 мая 1965 г., за несколько месяцев до ареста Синявского.

в Советском Союзе. Они еще не были готовы ни обличать преступления «дружественных» режимов, ни порвать с ними отношения⁹².

Точкой невозврата стал 1968 г. Сначала левую западную интеллигенцию потряс ввод советских войск в Чехословакию, потом одобрение действий Советского Союза со стороны Фиделя Кастро и, наконец, травля поэта Эберто Падильи, которую начал кубинский режим⁹³. Молодые западные интеллектуалы — сторонники социализма — увидели, насколько они близки к тому, чтобы последовать по «грустному пути Барбюса, Ромена Роллана, Элюара, Арагона, Альберти и Неруды», если они продолжают хвататься за «причины для жалких упражнений в немоте и глухоте: не подрывать боевой дух товарищей, не давать оружие врагу и т. д. — те же, что и раньше» [14, р. 391–392].

Гойтисоло подписал коллективный протест против подавления Пражской весны, который испанские и латиноамериканские авторы направили в Союз писателей СССР. В нем они упрекали Советский Союз в действиях, «противоречащих принципам международной морали и праву народов на самоопределение, <...> укрепляющих американские позиции во Вьетнаме, разрушающих надежды на подлинно демократический социализм и сеющих раскол в лагере прогрессивных сил». Письмо было опубликовано в «Le Monde»⁹⁴.

Учитывая масштаб международного возмущения, в Москве все-речь опасались «ущерба для престижа советской литературы» из-за разрыва отношений с западными писателями⁹⁵. В Иностранной комиссии решили вести с такими писателями «дружескую принци-

⁹² О схожих чувствах, «разрывавших на части» Варгаса Льосу, Габриэля Гарсию Маркеса и других, см.: [1, с. 78–85; 9, р. 68–69].

⁹³ Поэт Эберто Падилья (1932–2000) критиковал правительство Фиделя Кастро за вмешательство в культурную жизнь страны. В 1968 г. он подвергся публичной травле. Хуан Гойтисоло стал одним из подписантов протестной телеграммы против преследования Падильи и в защиту интеллектуальной свободы на острове (*Cortázar J., Fuentes C., García Márquez G., Vargas Llosa M. Las cartas del Boom / ed. Carlos Aguirre, Gerald Martin, Javier Munguía and Augusto Wong Campos. Barcelona: Alfaguara, 2023. P. 506*). — В 1971 г. Падилья был заключен в тюрьму за «контрреволюционную» деятельность, затем освобожден на условиях публичного «покаяния» в «преступлениях». Гойтисоло вместе с Хулио Кортасаром стал автором первого коллективного письма Фиделю Кастро с протестом против дела Падильи (*De nombreuses personnalités s'émouvent de l'arrestation du poète cubain Heberto Padilla // Le Monde. 1971, 9 avril*). Он присоединился также ко второму письму, гораздо более категоричному и по сути означавшему разрыв с кубинской революцией (*La lettre des intellectuels à M. Fidel Castro // Le Monde. 1971, 22 mai*). Подробнее о подготовке и последствиях публикации этих писем см. [13].

⁹⁴ Une protestation d'intellectuels espagnols et latino-américains de Paris // *Le Monde*. 1968, 26 août. Нам не удалось найти оригинал, отправленный в Москву, но в Союзе писателей его получили: консультант Нина Булгакова ссылалась на него в письме Марио Варгаса Льосе [1, с. 79, 192–193; 9, р. 69].

⁹⁵ Отчет о международных связях СП СССР с зарубежными странами за 1968 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 460. Л. 16.

пиальную полемику, с глубоким разбором ошибочности некоторых <...> взглядов и позиций»⁹⁶. По этому пути пошли отношения между Москвой и братом Хуана, Хосе Агустином (все трое братьев подписали письмо). Союз писателей смирился бы и с протестом Хуана, списав его на эффект «разнузданной клеветнической кампании против СССР»⁹⁷. Однако Хуан Гойтисоло не ограничился подписанием протеста.

Осенью он поехал в Прагу в качестве корреспондента, получив приглашение от Союза писателей ЧССР [14, р. 467]. Его репортаж вышел в мексиканском «*Siempre!*» и французском «*Les Temps Modernes*»⁹⁸. Описывая ситуацию в стране спустя два месяца после событий, он сравнивает советские действия с американской операцией в бухте Кочинос 1961 г.⁹⁹: «вместо того чтобы встретить их поцелуями и цветами», местное население в обоих случаях «заставило “спасителей” направить против них ту силу, которая официально предназначалась для их защиты». Бесполезно скрывать правду, убеждает Гойтисоло: «все население Чехословакии знает, что советская интервенция была направлена не против мнимых антисоциалистических сил, а против компартии Чехословакии и ее законных руководителей»¹⁰⁰. Интересно, что несмотря ни на что репортаж защищает социализм как социальную модель и отстаивает право народа выбрать собственный путь к социализму. «Если мир разделен на два блока и каждая супердержава имеет право диктовать закон всей сфере влияния, на практике это означает невозможность революции на Западе и обновления социализма на Востоке»¹⁰¹.

Репортаж Гойтисоло в мексиканском «*Siempre!*» сопровождался еще одной «коллективкой» испанских и латиноамериканских деятелей культуры: на этот раз в знак солидарности с чехословацким народом¹⁰².

⁹⁶ Там же. Л. 11.

⁹⁷ Там же. Л. 2.

⁹⁸ *Goytisolo J. Praga 1968 // La cultura de México (Suplemento de Siempre!). 1968, 27 de noviembre. P. 1–5. Goytisolo J. Prague, octobre 1968 // Les Temps Modernes. 1968, Déc.*

⁹⁹ Операция в бухте Кочинос, или высадка в заливе Свиней — военная интервенция, проведенная в апреле 1961 г. с целью свержения революционного режима Фиделя Кастро. Кубинские войска отразили нападение.

¹⁰⁰ *Goytisolo J. Praga 1968. P. 2–3.*

¹⁰¹ *Ibid. P. 5.*

¹⁰² «Учитывая, что факты убедительно доказали ложность якобы имевшей место контрреволюции, призванной оправдать военную агрессию 21 августа, мы отдаем должное мужеству, хладнокровию и стойкости чехословацкого народа и руководства» (<Коллективное письмо испанских и латиноамериканских деятелей культуры> // *La cultura de México (Suplemento de Siempre!). 1968, 27 de noviembre. P. 5*). Среди подписантов-испанцев были все три брата Гойтисоло, а также Жозеп Мария Кастельет, Карлос Баррал, Хесус Лопес Пачеко, Ана Мария Матуте и другие хорошо знакомые Союзу писателей СССР имена.

«Формалистический, непристойный, декадентский и буржуазный»

Прямого взаимодействия с советскими институтами Гойтисоло больше не предпринимал¹⁰³. Вероятно, в какой-то момент он запретил публикацию своих произведений, потому что новинки от Гойтисоло не выходили в Советском Союзе больше двадцати лет¹⁰⁴. Их отсутствие нельзя объяснить запретом (гласным или негласным) в самом СССР, иначе в 1976 г. не были бы переизданы в книжном формате (после журнального 1967 г.) «Особые приметы»¹⁰⁵.

Цензура в советских изданиях Хуана Гойтисоло заслуживает отдельного внимания исследователя. Дело в том, что Гойтисоло — очень проблемный автор с точки зрения советской пуританской эстетики. В его романах много сексуальных сцен, обценной лексики и гомосексуалистских сюжетов, которые в равной степени раздражали испанскую цензуру. В одном только 170-страничном романе «La isla» франкистский цензор выбросил 169 абзацев и в конце концов запретил к печати эту «похабщину» [20, р. 102]. Тем не менее «Остров» вышел в СССР в составе сборника в 1964 г. В нем были вырезаны те же «непристойности», которые возмутили испанских цензоров, но оставлена критика военных и церкви. Подготовка перевода должна была стоить большого труда всей редакции. Весьма вероятно, что и Главлит не одобрил бы этот текст, не будь он запрещен режимом Франко. Будучи опубликованным в СССР, он становился инструментом пропаганды.

Гойтисоло должен был понимать, что за интересом к его труду в Советском Союзе стояли и политические цели. До тех пор, пока они заключались в противостоянии франкизму, Гойтисоло их разделял. В тот момент, когда выход его романов на русском языке мог быть использован как поддержка политики СССР, в частности, в отношении Чехословакии, он запретил Москве переводить свои произведения.

О том, что в советских изданиях его романов делались купюры, Гойтисоло знал. Важно, что по крайней мере в одном случае он их санкционировал. В 1961 г. писателю пришло письмо от Георгия

¹⁰³ Тем не менее он сохранил контакты с Видасом Силюнасом, Агустином Мансо, Татьяной Кудрявцевой и другими московскими знакомыми, а Кароль Ашаш много лет поддерживала переписку с Борисом Любимовым. Беседа с Б.Н. Любимовым 14 мая 2025 г. (Личный архив К. Буйновой).

¹⁰⁴ «Особые приметы» были опубликованы в «Иностранной литературе» в 1967 г. Новые произведения Гойтисоло, написанные в 1970–1980-х гг., впервые вышли в серии «Мастера современной прозы» в 1988 г.

¹⁰⁵ См. Приложение 1.

Степанова, редактора «Печали в раю» — романа об испанских детях в годы гражданской войны. От имени издательства «Художественная литература» Степанов просил разрешения на «небольшие купюры, в частности отдельных сцен боев и вступления франкистских войск в Барселону»¹⁰⁶. Ответ Гойтисоло был положительным: «Разумеется, Вы можете делать какие угодно купюры»¹⁰⁷.

Заручившись согласием автора, редакция «провела большую работу над рукописью»¹⁰⁸. В архиве сохранилась подборка из 12 машинописных листов перевода, в которых следовало вырезать те или иные фрагменты¹⁰⁹. Каждый фрагмент был выделен от руки и помечен буквой «К» на полях. Суммарно выброшенные строчки составили бы примерно 6-7 страниц машинописного текста. Вырезано было в основном то, что рецензент назвал «обходными маневрами», которые советский читатель может «принять за чистую монету»¹¹⁰. Например, фрагмент о «беспорядках и анархии, которые царили в лагере республиканцев», радость местных жителей от приезда священника, описание того, как дети обчищали трупы погибших. Редакции показались двусмысленными и потому подлежащими удалению фразы типа «От войны была польза, потому что она помогла нам понять себя и, в какой-то степени, очистила нас. Теперь она не нужна, все мужчины и женщины должны вернуться домой и взяться за работу. Стране нужны молодые, трудолюбивые люди»; «И, кроме того, в такие времена никто не интересуется ближним. Каждый думает о себе»¹¹¹. В целом можно сказать, что цензура в «Печали в раю» носила скорее политический характер.

Другого характера была цензура в романе «Особые приметы». В письме к Силюнасу писатель отзывался о своем новом романе так: «Он формалистический, непристойный, декадентский и буржуазный. По этим причинам я надеюсь, что он будет иметь большой успех в СССР (...dixit)»¹¹². Переводом для «Иностранной литера-

¹⁰⁶ Письмо Г. Степанова Х. Гойтисоло, Ленинград, 21 марта 1961. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 4.

¹⁰⁷ Письмо Г. Степанову, Париж, 7 апреля 1961. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 6. Ответ Гойтисоло сохранился только в копии в переводе на русский язык.

¹⁰⁸ Редакторское заключение по рукописи перевода «Печали в раю». РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 22.

¹⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 25–37.

¹¹⁰ Этим рецензентом был Н. Томашевский. Удалять эти эпизоды он тем не менее не предлагал, утверждая, что все сомнения рассеивает вступительная статья Степанова. (Рецензия Н. Томашевского на предисловие Г. Степанова к роману «Печаль в раю», 1961. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 13).

¹¹¹ Текст купюр в переводе Н. Трауберг. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1659. Л. 25–37.

¹¹² Письмо В. Силюнасу, Париж, 3 сентября 1966. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 78. Л. 32–32об. Пер. с испанского.

туры» занялись Людмила Синянская и Перла Глазова. Они жили в разных городах и работали независимо каждая над своей частью. Переводили они с корректурных оттисков мексиканского издания¹¹³, из чего можно сделать предположение, что Гойтисоло отправил текст в СССР прежде, чем вышла готовая книга¹¹⁴, или даже привез его сам осенью 1966 г.

Купюр в «Особых приметах» было много. Фрагменты, исключенные из второй половины книги, переведенной Глазовой, в перепечатке переводчицы заняли 20 машинописных листов¹¹⁵. Синянская купюры отдельно не перепечатывала, а помечала в тексте; судя по машинописи с правкой, в первой части их было не меньше, чем во второй. Удалялись в основном сексуальные сцены и «натурализм». Часть купюр была восстановлена для издания 1976 г.; удаленные фрагменты в текст возвращали сами переводчицы¹¹⁶. В книжном издании можно было позволить себе больше, чем в журнале, тем более что цензоры проверяли книги уже перед самым подписанием в печать, а иногда не проверяли вовсе¹¹⁷.

Нет причин сомневаться в том, что об обширной цензурной правке этого романа Гойтисоло было известно¹¹⁸. Закономерно задаться вопросом: почему писатель, которого годами запрещали на родине, вынужденный искать издателей за границей и написавший несколько эссе против франкистской цензуры и цензуры вообще, не возражал против купюр в советских переводах?

Дело в том, что говоря о цензуре в Испании, Гойтисоло говорил о невозможности печататься на испанском языке в родной стране. То есть речь шла не столько о купюрах неудобных мест, сколько о полном запрете произведения. При этом в отличие от ситуации в СССР запрет книги в Испании не означал, что ее нельзя опубликовать в другой стране. Пока в Советском Союзе Борис Пастернак с огромным риском для себя прокладывал дорогу к тамиздату, в Испании запрещенные вещи без серьезных последствий для автора

¹¹³ Письмо П. Глазовой М. Филипповой, Ленинград, 9 сентября 1975. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 5327. Л. 1–2.

¹¹⁴ Т.е. не ранее конца сентября 1966 г. (Письмо Х. Гойтисоло В. Силунасу, Париж, 3 сентября 1966. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 78. Л. 32–32об. Пер. с испанского).

¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 808. Л. 73–94.

¹¹⁶ Письмо П. Глазовой М. Филипповой, Ленинград, б.д. [1975]. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 5327. Л. 12.

¹¹⁷ См. о подобной практике: *Маркиш III*. Непрошедшее прошлое. Собр. соч. Budapest: ELTE, 2022. Т. 7: Мастерство перевода. С. 168.

¹¹⁸ Если текст попал в Москву раньше приезда писателя, то в октябре 1966 г. редакция «Иностранной литературы» должна была ему об этом рассказать. В живом общении наличие купюр от иностранцев не скрывали. Кроме того, к сокращениям текста в журналах писатели относились с большим пониманием из-за ограничений журнала по объему.

передавались на публикацию в другие испаноязычные страны или во Францию¹¹⁹. Испанские издатели Гойтисоло сами писали цензорам, уговаривая их не запрещать очередной роман, потому что он все равно выйдет за границы, создаст резонанс из-за запрета в Испании и навредит репутации страны [17, р. 87]. На испанское руководство эти увещания действовали так же мало, как на советское. Ни одно произведение Гойтисоло не увидело свет в Испании с 1958-го по 1975 г.

На этом фоне желание советской печати сделать купюры в тексте, который они принципиально одобряют, не вызывало у Гойтисоло неприятия. Кроме того, речь шла о переводе, а не о том, что изменениям подвергнется непосредственно написанный им текст.

Интересно, что сам писатель не признавал неприкосновенность однажды созданного произведения и часто пользовался возможностью самому исправить текст перед переизданием¹²⁰. После выхода «Особых примет» в Мексике в 1966 г. он распорядился снять, начиная со второго издания (оно вышло в 1969 г.), восьмую главу. Свое решение он объяснил художественной слабостью этого фрагмента [18]. Эта оценка совпадает с мнением ряда критиков [12, р. 131–132]. Однако в Советском Союзе с авторской правкой не согласились. В 1975 г. издательство «Художественная литература» просило Иностранную комиссию «помочь <...> в получении информации о причинах этого решения писателя»¹²¹. Речь в восьмой главе шла о Кубе, отношения с которой в 1970-е гг. у Гойтисоло окончательно испортились, а у СССР — наладились, причем настолько, что критика кубинских товарищей подлежала купированию повсеместно. Так, например, главу о Кубе, в основном критическую, предполагалось «выбросить» даже из воспоминаний Пабло Неруды¹²². В случае с Гойтисоло сработал обратный механизм: «полным» решили считать первый вариант с благожелательной оценкой Кубы, а не тот, который одобрил автор и в котором Кубы не было. «Кубинскую» главу сохранили¹²³. Пара-

¹¹⁹ Например, в аргентинское издательство «Sudamericana» или мексиканское «Joaquín Mórtiliz»; см.: [8, р. 166]. Во Франции испанцев в оригинале печатало издательство «Librairie Espagnole»; именно там в 1958 г. вышла «La Resaca», вскоре попавшая в руки переводчице Синянской.

¹²⁰ Например, нами обнаружены не принципиальные, но заметные правки в тексте «Reinos de Taifa» в изданиях 2002 и 2017 гг.

¹²¹ Письмо зам. гл. редактора «Художественной литературы» в Иностранную комиссию Союза писателей. 11 августа 1975. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 5327. Л. 64.

¹²² Переводчицам Людмиле Синянской и Элле Брагинской едва удалось отстоять эту главу с помощью авторитета Константина Симонова, но самые чувствительные для кубинцев фрагменты все равно были удалены (*Синянская Л.* Во сне и наяву среди глыб. С. 145).

¹²³ Из Иностранной комиссии ответили, что «имеет смысл дать сноску, в которой указать о существовании второго издания, а издавать полный вариант» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 1790. Л. 23).

доксальным образом русское издание одновременно подверглось цензуре издателя и избежало авторских купюр. Новых изданий русского перевода «Особых примет» с 1976 г. не было. Не восстанавливались купюры и в других переводах произведений Гойтисоло.

Заключение

Хуан Гойтисоло был первым испанским писателем нового поколения, который привлек советское внимание с тех пор, как в результате гражданской войны 1936–1939 гг. потерпело поражение дело республиканцев. Новое имя в конце 1950-х — начале 1960-х гг. «открыли» переводчики. Они убедили советских издателей, что прогрессивная литература может существовать даже при фашистском режиме, а издатели нашли способ «правильно» преподнести нового автора. На фоне растущего интереса к установлению дипломатических отношений с Испанией фигурой Гойтисоло заинтересовались и в ЦК КПСС. Судя по всему, партия одобрила приглашение писателя в СССР и санкционировала выплату части гонораров в валюте.

К середине 1960-х гг. Гойтисоло стал самым издаваемым испанским автором в СССР, сопоставимым по количеству публикаций только с поэтом-коммунистом Рафаэлем Альберти. Его произведения подвергались цензуре эстетического и политического характера, но писателя ставили об этом в известность и согласовывали отдельные купюры. Он одобрял их помимо прочего потому, что, будучи опубликованными в СССР, его романы становились оружием против запретившего их франкистского режима.

Гонорар за опубликованные вещи он получал, судя по всему, регулярно, причем часть — в валюте на парижский адрес, а остальное забирал в рублях лично. Он побывал в Советском Союзе дважды: в Москве, Ленинграде, Узбекистане и Крыму в 1965 г. и в Грузии в 1966 г. Помимо официальных встреч его досуг составляло общение с бывшими соотечественниками, «испанскими детьми». Самыми интересными собеседниками Гойтисоло находил советских переводчиков и редакцию журнала «Новый мир».

Признание Гойтисоло открыло двери в Советский Союз и другим испанским писателям: Альфонсо Састре, Хесусу Лопесу Пачеко, Армандо Лопесу Салинасу, Луису и Хосе Агустину Гойтисоло, Ане Марии Матуте и другим. Благодаря Гойтисоло Иностранная комиссия Союза писателей установила деловые контакты с издательством «Seix Barral» и литературным агентством Кармен Балсельс. Гойтисоло также можно назвать посредником между советскими лите-

ратурными институтами и западной литературой: он подсказывал полезные контакты в Москве Жозепу Марии Кастельету, Карлосу Барралу, Марио Варгасу Льюсе и другим.

Разумеется, это посредничество отличалось от того, как его понимало поколение «настоящих друзей» СССР (Пабло Неруда, Рафаэль Альберти и другие): оно не было ни пропагандой, ни идеологической поддержкой. Оно носило практический характер: как приехать, как получить гонорар, к кому обратиться по разным вопросам. В отношениях Гойтисоло с СССР был элемент идеологической солидарности на фоне холодной войны, но он не был определяющим фактором. Куда большую ответственность испанец ощущал перед Кубинской революцией, но политика Фиделя Кастро в отношении инакомыслия и культуры заставила Гойтисоло, как и многих его современников, покинуть ряды ее сторонников. Желание «не дать оружие врагу» удерживало писателя от публичных комментариев по поводу преследований советских писателей-диссидентов, но 21 августа 1968 г. этот кредит себя исчерпал. Испанец подписал протестное письмо против ввода советских войск в Чехословакию, отправился в Прагу корреспондентом, опубликовал репортаж, обвиняющий СССР в империализме, а затем запретил советским издателям публиковать свои произведения.

Новые вещи Гойтисоло появились на русском языке лишь двадцать лет спустя, на излете перестройки. В следующий раз он приехал в Узбекистан в 1990 г., потом в Чечню — в качестве военного корреспондента — в 1996 г. Единственным постсоветским изданием Гойтисоло на русском языке остается перевод книги «Перед занавесом» в 2012 г.¹²⁴

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Издания Хуана Гойтисоло в СССР на русском языке

1. *Гойтисоло Х. Друзья. «Пуэбло» и молодая испанская литература* // Огонек. 1960. № 38. С. 10–12.
2. *Гойтисоло Х. Прибой* / пер. Л. Синянской // Иностранная литература. 1961. № 6. С. 61–150.
3. *Гойтисоло Х. Печаль в раю* / пер. Н. Трауберг. М.: Гослитиздат, 1962. 206 с.

¹²⁴ *Гойтисоло Х. Перед занавесом* / пер. Н. Матяш. Тверь: Kolonna publications, 2012. 96 с.

4. *Гойтисоло Х.* Земли Нихара / пер. А. Макарова и Н. Трауберг // Новый мир. 1962. № 7. С. 40–81.
5. *Гойтисоло Х.* Звезда Кубы. [Испанский писатель о пребывании на Кубе] // Комсомольская правда. 1963. № 104, 1 мая. С. 3.
6. *Гойтисоло Х.* Чанка / пер. А. Макарова // Новый мир. 1963. № 4. С. 119–154.
7. *Гойтисоло Х.* Испанские рецепты // Вопросы литературы. 1963. № 8. С. 242–243.
8. *Гойтисоло Х.* Народ в походе / пер. А. Макарова // Новый мир. 1964. № 2. С. 102–139.
9. *Гойтисоло Х.* Ловкость рук. Прибой. Цирк. Остров. М.: Прогресс, 1964. 621 с.
10. *Гойтисоло Х.* Ронда / пер. Д. Гарсиа // Иностранная литература. 1964. № 12. С. 135–139.
11. *Гойтисоло Х.* Испанская цензура — лучшая в мире // Литературная Россия. 1964. № 51 (18 декабря).
12. *Гойтисоло Х.* Встречаясь с Хемингуэем / пер. М. Былинкиной // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 251–253.
13. *Гойтисоло Х.* Развлечения по вечерам // Вокруг света. 1966. № 1. С. 12–14.
14. *Гойтисоло Х.* Особые приметы / пер. Л. Синянской, П. Глазовой // Иностранная литература. 1967. № 8. С. 10–124. № 9. С. 9–148.
15. *Гойтисоло Х.* Чанка / пер. А. Макарова. М.: Прогресс, 1967. 126 с.
16. *Гойтисоло Х.* Особые приметы / пер. П. Глазовой и Л. Синянской. М.: Художественная литература, 1976. 477 с.
17. *Гойтисоло Х.* Печаль в раю. Возмездие графа дона Хулиана. Хуан Безземельный. Макбара. Эссе. Воспоминания. М.: Радуга, 1988. 412 с.
18. *Гойтисоло Х.* Романы, эссе, воспоминания. М.: Художественная литература, 1988. 416 с.
19. *Гойтисоло Х.* Печаль в раю. Возмездие графа дона Хулиана. Хуан Безземельный. Макбара. Эссе. Воспоминания. М.: Радуга, 1989. 412 с.

2. Издания Хуана Гойтисоло на языках народов СССР

1. *Гойтисоло Х.* Прибой / пер. Р. Эстрела и К. Антоненко. Киев: Гослитиздат Украины, 1962. 185 с. (украинский)
2. *Гойтисоло Х.* Прибой / пер. Т. Халлап. Таллин: Газ.-журн. изд., 1964. 179 с. (эстонский)
3. *Гойтисоло Х.* Печаль в раю / пер. М. Субатавичене. Вильнюс: Вага, 1965. 291 с. (литовский)
4. *Гойтисоло Х.* Печаль в раю. Остров / пер. В. Мелиновский. Рига: Лиесма, 1969. 332 с. (латвийский)

5. *Гойтисоло Х. Прибой. Остров* / пер. Р. Эстрела и К. Антоненко. Киев: Дніпро, 1971. 255 с. (украинский)
6. *Гойтисоло Х. Цирк* / пер. Э. Ахвледiani. Тбилиси: Накадули, 1971. 243 с. (грузинский)
7. *Гойтисоло Х. Остров* / пер. Э. Ахвледiani. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1976. 198 с. (грузинский)

3. Интервью Хуана Гойтисоло для советской печати

1. «Три дня... и три года». Запись М. Злобиной // Литературная газета. 1965. № 99, 21 августа.
2. «Тореро — и смелый, и талантливый». Хуан Гойтисоло в «Иностранной литературе». Запись Т. Кудрявцевой // Иностранная литература. 1966. № 5. С. 254–255.
3. «Может быть, нет в Испании воздуха?». Хесус Лопес Пачеко и Хуан Гойтисоло в «Иностранной литературе». Запись М. Канторовича // Иностранная литература. 1967. № 7. С. 260–262.

Литература

1. *Агирре К., Буйнова К.* Пять дней в Москве. Визит Марио Варгаса Льосы в Советский Союз (1968). М.: Литфакт, 2025. 240 с. (Rossica: Россия и Запад. Литературные связи и контакты. Вып. 8).
2. *Буйнова К.Р.* Мигель Отеро Сильва в СССР: поздний успех бывшего коммуниста // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2025. Т. 16. Вып. 2 (148). URL: <https://history.jes.su/s207987840034932-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840034932-4
3. *Гранцева Е.О.* Образ культурной оппозиции франкизму на страницах советских журналов «Иностранная литература» и «Искусство кино» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 10 (64). DOI: 10.18254/S0002039-1-1
4. *Казакова (Жданова) Л.И.* Стейнбек в СССР: триумф, «предательство» и забвение (1961–1968) // Россия. 2023. № 5. С. 177–295.
5. *Огрызко В.В.* Охранители и либералы: в затянувшемся поиске компромисса. Историко-литературное исследование: в 2 кн. М.: Литературная Россия, 2015. 712 с., 696 с.
6. *Попов А.Д.* Иностранный туризм в Крыму советского периода как объект междисциплинарного исследования // Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 14–15 декабря 2017 г. Симферополь: Типография «Ариал», 2017. С. 224–229.
7. *Филатов Г.А.* Роль Коммунистической партии Испании (КПИ) в отношениях между Москвой и Мадридом // Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы третьего международного форума / отв. ред. В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 1861–1869.

8. Aguirre Carlos. *La ciudad y los perros: biografía de una novela*. Editorial Renacimiento, 2017. 381 p.
9. Aguirre Carlos, Buynova Kristina. *Cinco días en Moscú*. Mario Vargas Llosa y el socialismo soviético (1968). Trujillo: Reino de Almagro, 2024. 185 p.
10. Campo Cortés Eduardo. Cronología de los viajes de Juan Goytisolo a la Revolución cubana: de la fascinación a la ruptura. *Cuadernos Inter.c.a.mbio sobre Centroamérica y el Caribe*, 2021, no. 19 (1). <https://doi.org/10.15517/c.a.v19i1.48608>
11. Campo Cortés Eduardo. *Juan Goytisolo, cronista de la guerra: los reportajes de Sarajevo, Argelia, Palestina y Chechenia y otros viajes periodísticos*. Tesis doctoral. Universidad de Sevilla, 2020. 554 p.
12. Dominguez Burdalo José. Castradas señas de identidad: Cuba en la obra de Juan Goytisolo. *Arizona. Journal of Hispanic Cultural Studies*, 2006, v. 10, pp. 131–150. Project MUSE, <https://dx.doi.org/10.1353/hcs.2007.0010>.
13. Fornet Jorge. *El 71. Anatomía de una crisis*. Raleigh: A Contracorriente, 2022. 326 p.
14. Goytisolo Juan. *Autobiografía*. Barcelona: Galaxia Gutenberg, 2017. 528 p.
15. Goytisolo J. En los reinos de taifa. Barcelona: Seix Barral, 1986. 309 p.
16. Jordana Darder Marta. *Contra la España Sagrada: los mitos en el compromiso literario de Juan Goytisolo (1964–1970)*. Thèse en cotutelle. Sorbonne Université; Universitat autònoma de Barcelona, 2024. 490 p.
17. Larraz Fernando, Suárez Toledano Cristina. Realismo social y censura en la novela española (1954–1962). *Creneida*, 2017, no. 5, pp. 66–95.
18. Meerts Christian. Technique et vision dans “Señas de Identidad” de J. Goytisolo. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1972. 82 p. (Analecta Romanica. V. 31).
19. Ocariz José Andrés Alvaro. La literatura española en el exilio: Agustín Argüelles Manso, un niño de la guerra asturiano en la URSS. Madrid: Desiré Ediciones, 2024. 208 p.
20. Pope Randolph D. La censura en las primeras novelas de Juan Goytisolo. *España Contemporánea: Revista de Literatura y Cultura*, vol. 3, no. 1 (1990), pp. 97–104.

Research Article and Publication of Archival Document

Juan Goytisolo in the Soviet Union

© 2026. Kristina R. Buynova
MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract: Juan Goytisolo (1931–2017) was the first Spanish writer of the new generation to attract Soviet attention since the defeat of the Republicans in the Spanish Civil War (1936–1939). He was “discovered” by Soviet translators in the late 1950s–early 1960s. They convinced publishers that progressive literature could exist even under a fascist regime, and publishers found a way to justify their unusual choice to the Party and the readers. Against the backdrop of growing interest in establishing diplomatic relations with Spain, Goytisolo also attracted

the attention of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. Apparently, the Party approved the writer's invitation to the USSR and authorized the payment of part of his royalties in foreign currency, which was not very common and required a special permission. By the mid-1960s, Goytisolo had become the most published Spanish author in the USSR, rivaled only by the "best friend of Soviet Union" poet Rafael Alberti in terms of the number of publications.

Goytisolo's works were subject to censorship of an aesthetic and political nature, but the writer was informed in advance and agreed to specific cuts. He should have realised that political goals lay behind the interest in his work in the Soviet Union. As long as these goals were limited to opposing Francoism, Goytisolo shared them. However, when the presence of his novels on the Soviet book market could be used to support the policies of the USSR, particularly towards Czechoslovakia, he forbade Moscow from translating his new works.

Apparently, he received his royalties for published works without fail. Part of the money was sent to his address in Paris in foreign currency, and he collected the rest in rubles in person. He visited the Soviet Union twice: he was in Moscow, Leningrad, Uzbekistan, and Crimea in 1965 and in Georgia in 1966. In addition to official meetings, he spent his free time communicating with former compatriots, the "Spanish children" (*niños de la guerra*). The most interesting people to talk to, according to Goytisolo, were Soviet translators and the editorial staff of the journal *Novy Mir*.

The "discovery" of Goytisolo opened the doors to the Soviet Union for other Spanish writers: Alfonso Sastre, Jesús López Pacheco, Armando López Salinas, Luis and José Agustín Goytisolo, Ana María Matute, among others. We assume that it was thanks to Juan Goytisolo that the Foreign Commission of the Soviet Union established business contacts with the Seix Barral publishing house and the Carmen Balcells literary agency. Goytisolo can also be called a mediator between Soviet literary institutions and his colleagues and friends: he suggested useful contacts in Moscow to Josep Maria Castellet, Carlos Barral, Mario Vargas Llosa.

Of course, this mediation wasn't like how the generation of "true friends" of the USSR (Pablo Neruda, Rafael Alberti, and others) saw it: it wasn't propaganda or ideological support. It was practical: how to get there, how to collect royalties, who to talk to about different things. There was an element of ideological solidarity in Goytisolo's relationship with the USSR against the backdrop of the Cold War, but it was not a determining factor. The Spaniard felt a much greater responsibility towards the Cuban Revolution, but Fidel Castro's policy towards dissent and culture led Goytisolo, like many of his contemporaries, to become disillusioned with socialism. The desire "not to give weapons to the enemy" prevented the writer from commenting publicly on the persecution of Soviet dissident writers, but on August 21, 1968, this credit ran out. The writer signed a letter of protest against the Soviet invasion of Czechoslovakia, traveled to Prague as an independent correspondent, published a report accusing the USSR of imperialism, and cut ties with the Soviet Union for good.

Goytisolo's new works appeared in Russian only twenty years later, at the end of Perestroika. He next visited Uzbekistan in 1990, then Chechnya as a war correspondent in 1996.

The study is based on archival materials, press reports, published memoirs of participants, and personal conversations between the researcher and two Soviet acquaintances of Goytisolo.

Keywords: Juan Goytisolo, Soviet Union, Francoist Spain, translation, Spanish literature, cultural diplomacy.

Information about the author: Kristina R. Buynova, PhD in History, Associate Professor at the Spanish Department, MGIMO University. Prospect Vernadskogo 76, 119454, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6983-5212>

E-mail: k.r.bujnova@inno.mgimo.ru

For citation: Buynova, K.R. “Juan Goytisolo in the Soviet Union”. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 365–399. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-365-399>

References

1. Aguirre, Carlos, Buynova, Kristina. *Pyat' dnei v Moskve. Visit Mario Vargas Llosa v Sovietskii Soyuz (1968)* [Five days in Moscow. Mario Vargas Llosa's visit to the Soviet Union (1968)]. Moscow, Litfakt publ., 2025. 240 p. (Rossica: Russia and the West. Literary contacts & connections, no 8). (In Russ.)
2. Buynova, K.R. “Migel' Otero Sil'va v SSSR: pozdnii uspekhn byvshego kommunista” [“Miguel Otero Silva in the USSR: Late Success of a Former Communist”]. *Istoriya*, 2025, vol. 16, no. 2 (148). URL: <https://history.jes.su/s207987840034932-4-1/> DOI: 10.18254/S207987840034932-4. (In Russ.)
3. Grantseva, E.O. “Obraz kul'turnoi oppozitsii frankizmu na stranitsakh sovetskikh zhurnalov ‘Inostrannaya literatura’ i ‘Iskusstvo kino’” [“The Image of the Cultural Resistance to the Francoism in the Pages of Soviet Magazines ‘Inostrannaya Literatura’ and ‘Iskusstvo Kino’”]. *Istoriya*, 2017, vol. 8, no. 10 (64). URL: <https://history.jes.su/s207987840002039-1-1/>. DOI:10.18254/S0002039-1-1. (In Russ.)
4. Kazakova (Zhdanova), L.I. “Steinbek v SSSR: triumf, ‘predatel'stvo’ i zabvenie (1961–1968)” [“Steinbeck in the USSR: Triumph, ‘Renegation’, and Oblivion, 1961–1968”]. *Rossica. Literary Contacts & Connections*, 2023, no. 5, pp. 177–295. (In Russ.)
5. Ogryzko, V.V. *Okhraniteli i liberaly: v zatiannuvshemsia poiske kompromissa. Istoriko-literaturnoe issledovanie* [Guardians and Liberals: In a Prolonged Search for Compromise. A Historical and Literary Study]: in 2 vols. Moscow, Literaturnaia Rossiia, 2015. 712 p., 696 p. (In Russ.)
6. Popov, A.D. “Inostranniye turizm v Krymu sovetskogo perioda kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia” [“Foreign Tourism in Crimea during the Soviet Period as a Subject of Interdisciplinary Research”]. *Aktual'nye problemy mezhdistsiplinarnykh issledovaniy v izuchenii istorii, kul'tury i ekonomiki Kryma: Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Simferopol', 14–15 dekabria 2017 g.* [Topical problems of interdisciplinary studies of history, culture and economy in Crimea: Proceedings of the scholarly and practical national conference, Simferopol', Dec. 14–15, 2017]. Simferopol', Tipografiia Arial publ., 2017, pp. 224–229. (In Russ.)
7. Filatov, G.A. “Rol' Kommunisticheskoi partii Ispanii (KPI) v otnosheniiakh mezhdu Moskvoy i Madridom” [“The Role of the Communist Party of Spain (PCE) in Relations between Moscow and Madrid”]. *Rossia i Iberoamerika v globaliziruiushchemsia mire: istoriia i sovremennost': doklady i materialy tret'ego mezhdunarodnogo foruma* [Russia and Iberoamerika in the globalizing world: history and modernity: Proceedings

of the 3rd international forum]. Eds V.L. Kheifets, L.S. Kheifets. Saint Petersburg, Skifia-print publ., 2017, pp. 1861–1869. (In Russ.)

8. Aguirre, Carlos. *La ciudad y los perros: biografía de una novela*. Lima, Editorial Renacimiento, 2017. 381 p. (In Spanish)

9. Aguirre, Carlos, Buynova, Kristina. *Cinco días en Moscú. Mario Vargas Llosa y el socialismo soviético (1968)*. Trujillo, 2024. 185 p. (In Spanish)

10. Campo Cortés, Eduardo. “Cronología de los viajes de Juan Goytisolo a la Revolución cubana: de la fascinación a la ruptura”. *Cuadernos Inter.c.a.mbio sobre Centroamérica y el Caribe*, 2021, no. 19 (1). <https://doi.org/10.15517/c.a.v19i1.48608> (In Spanish)

11. Campo Cortés, Eduardo. *Juan Goytisolo, cronista de la guerra: los reportajes de Sarajevo, Argelia, Palestina y Chechenia y otros viajes periodísticos. Tesis doctoral*. Universidad de Sevilla, 2020. 554 p. (In Spanish)

12. Dominguez Burdalo, José. “Castradas señas de identidad: Cuba en la obra de Juan Goytisolo”. *Arizona. Journal of Hispanic Cultural Studies*, 2006, vol. 10, pp. 131–150. <https://dx.doi.org/10.1353/hcs.2007.0010>. (In Spanish)

13. Fornet, Jorge. *El 71. Anatomía de una crisis*. Raleigh: A Contracorriente, 2022. 326 p. (In Spanish)

14. Goytisolo, Juan. *Autobiografía*. Barcelona, Galaxia Gutenberg, 2017. 528 p. (In Spanish)

15. Goytisolo, Juan. *En los reinos de taifa*. Barcelona, Seix Barral, 1986. 309 p. (In Spanish)

16. Jordana Darder, Marta. *Contra la España Sagrada: los mitos en el compromiso literario de Juan Goytisolo (1964–1970). Thèse en cotutelle*. Sorbonne Université; Universitat autònoma de Barcelona, 2024. 490 p. (In Spanish)

17. Larraz, Fernando, Suárez Toledano, Cristina. “Realismo social y censura en la novela española (1954–1962)”. *Creneida*, 2017, no. 5, pp. 66–95. (In Spanish)

18. Meerts, Christian. *Technique et vision dans “Señas de Identidad” de J. Goytisolo*. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1972. 82 p. (Analecta Romanica, vol. 31). (In Spanish)

19. Ocariz, José Andrés Alvaro. *La literatura española en el exilio: Agustín Argüelles Manso, un niño de la guerra asturiano en la URSS*. Madrid, Desiré Ediciones, 2024. 208 p. (In Spanish)

20. Pope, Randolph D. “La censura en las primeras novelas de Juan Goytisolo”. *España Contemporánea: Revista de Literatura y Cultura*, 1990, vol. 3, no. 1, pp. 97–104. (In Spanish)

Статья поступила в редакцию: 20.07.2025

Одобрена после рецензирования: 15.01.2026

Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 20.07.2025

Approved after reviewing: 15.01.2026

Date of publication: 25.06.2026